

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ КАК НОВЫЙ АКТОР В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Д.Г. Балугев

Нижегородский государственный университет

Международную организованную преступность часто называют важным фактором, который в двадцать первом веке влияет на мировую политику. Транснациональные преступные объединения (ТПО) становятся признанными акторами этой политики. На наш взгляд, существует несколько *причин* подобного *усиления роли ТПО*.

Во-первых, в случае, когда ТПО пытаются начать деятельность в конкретной стране, они не всегда встречают противодействие. Многие правительства обеспокоены не столько источником валютных поступлений, сколько собственным политическим выживанием. Кроме того, для организованной преступности возросшая международная торговля означает дополнительные возможности для проникновения в экономики отдельных стран и диверсификации преступной деятельности. Во многих странах, где приватизация шла одновременно с демократизацией, организованная преступность смогла завладеть бывшими государственными предприятиями.

Во-вторых, рост трансатлантической экономической деятельности облегчил сокрытие нелегальных сделок и перемещений, поскольку правоохранительные органы и таможенные службы могут проверять только небольшое количество грузов и людей, поступающих на их территорию.

Долгое время глобализация, взаимозависимость и повышение значения транснациональных негосударственных акторов рассматривались лишь как положительные тенденции в международных отношениях. Однако глобализация и взаимозависимость не только привели к появлению т.н. «глобальных граждан», но и способствовали росту ТПО.

ТПО смогли ответить на новые возможности как на национальном, так и на глобальном уровне и смогли использовать такие ресурсы, как транснациональные этнические сети. Они во многом могут рассматриваться в качестве незаконного аналога ТНК в своем стремлении к извлечению прибыли, а также как аналог транснациональных профессиональных организаций. Они также являются отражением глубокого кризиса в управлении и долгосрочного упадка государств.

Появление ТПО является результатом долгосрочных тенденций и таких событий, как распад СССР и окончание холодной войны. Долгосрочные тенденции связаны с глобализацией, кризисом государственной власти и легитимности. Существует несколько компонентов глобализации, которые предоставляют ТПО новые возможности:

1. Рост мобильности и прозрачность границ способствуют преступным перемещениям, в то время как миграционные перемещения населения и существующие диаспоры привели к созданию этнических сетей, которые связаны с этническими преступными организациями.
2. Рост международной торговли дал новые возможности для выдавания незаконных товаров за законные, затруднив работу правоохранительных органов.
3. Рост глобальной финансовой системы предоставил новые возможности для отмывания денег.

4. Появление глобальных городов создало возможности для установления преступных контактов и созданию некоего «криминального космополитизма», в котором группы и индивиды из различных стран собираются вместе для конкретного преступного деяния.

5. Появление национальных и глобальной информационных инфраструктур дает преступным группам возможность переходить к компьютерным преступлениям [1].

По сути дела, государства потеряли контроль над глобальными рынками. Это находит отражение в развитии параллельных и неформальных экономик, росте серого и черного рынка, неспособности государств предотвратить потоки незаконных товаров через свои границы или остановить нелегальную иммиграцию. Это также выражается в краже интеллектуальной собственности, росте интеллектуального транснационального пиратства, изготовлении фальшивых денег и продуктов.

Слабость государства не является совсем новым явлением. Слабость итальянского государства позволила в девятнадцатом веке развиваться мафии на Сицилии. В условиях, когда государство было неспособно обеспечить защиту и разрешение споров, мафия заполнила вакуум. Слабость колумбийского государства и отсутствие его контроля над территорией, номинально находящейся под его юрисдикцией, были главными факторами, предопределившими то, что Колумбия стала «столицей» южноамериканской кокаинопроизводящей индустрии. Слабость государства дала колумбийским преступным организациям сравнительное преимущество перед их перуанскими или боливийскими коллегами [2]. Классическим примером ситуации, когда слабость государства создала идеальные условия для развития преступных организаций, являются государства бывшего Советского Союза.

Третья причина усиления роли ТПО — появление к концу двадцатого столетия нового типа государств. Роберт Джексон называл страны, где имеется недостаток государственности, квазигосударствами [3]. Хотя эти государства и обладают юридическим суверенитетом в международной системе, во внутренней политике они не имеют институтов, способных сдерживать лиц, занимающих официальные должности, от коррупции. Они не могут гарантировать общественный порядок, а поэтому и свободу для большинства своих граждан. В подобных условиях преступные элементы способны склонять правительственных чиновников к сотрудничеству путем либо взяток, либо угроз. По сути, эти преступные элементы становятся теньвым правительством. В некоторых странах (например, в Колумбии) повстанцы и наркоторговцы заменяли государство на протяжении длительных периодов.

Хотя граждане многих стран и имеют права, зафиксированные в конституциях, на неформальном уровне они попадают под действие законов, которые не менее суровы, чем законы авторитарного государства. Недостаток свободы и опасения за собственную безопасность, которые являются характеристикой авторитарного государства, присутствуют и в квазигосударствах. Единственное различие состоит в том, что принуждение осуществляется не правительством, а различными группировками. Организованная преступность не ограничивает свою деятельность территорией собственных стран. Они осуществляют свою деятельность за рубежом, прикрываясь при этом суверенитетом страны базирования. Поэтому с такими группировками достаточно тяжело бороться, уважая принцип невмешательства во внутренние дела государств.

Четвертой причиной развития ТПО является так называемая общественная исключенность. М. Кастельс определял общественную исключенность как процесс, в ходе которого отдельные граждане и группы систематически отстраняются от доступа к возможностям, позволяющим им получать автономные средства к существованию в рамках общественных стандартов, определяемых институтами и ценностями данного контекста [4].

Процесс общественного исключения в сетевом обществе затрагивает как людей, так и целые территории. При определенных условиях целые страны, регионы, города и районы становятся исключенными, вовлекая в эту исключенность их население. Зоны, которые не имеют ценности для информационного капитализма и не вызывают существенного политического интереса со стороны великих держав, обходятся потоками богатства и информации и в конечном итоге остаются без элементарной технологической инфраструктуры [5].

Информационный капитализм характеризуется формированием глобальной криминальной экономики, ее растущей взаимозависимостью с формальными экономическими и политическими институтами. Целые сегменты общественно исключенного населения, а также граждане, выбирающие более прибыльные, хотя и более рискованные способы заработка, составляют все более растущее в количественном отношении «подполье» [6].

В США взрывной рост кокаинового трафика и потребления в черных гетто в 1980-х годах был поворотным пунктом в развитии многих сообществ. Банды стали важными формами организации молодежи и моделями поведения. Экономические транзакции в этих внутригородских зонах стали связываться с криминальной экономикой как источником работы и доходов, как источником спроса и как операционной единицей защиты налогообложения в этой неформальной экономике [7].

Наиболее наглядным выражением общественной исключенности является количество граждан США, находящихся в заключении или под надзором системы исправления и коррекции (условно освобожденных или амнистированных). На 1 января 1996 года в тюрьмах находилось почти 1,6 миллиона человек. В сочетании с 3,8 миллиона условно освобожденных это составляло 2,8 процента взрослого населения страны. Количество осужденных увеличилось в четыре раза в период с 1980 по 1991 год. Общая доля заключенных в середине 1990-х годов составляла 626 человек на 100000 населения, что было почти в два раза больше, чем в Южной Африке или России [8].

Пятая причина уходит своими корнями во времена холодной войны. Во многих отношениях холодная война была «инкубатором» для международной организованной преступности на Западе. Одним из последствий постоянного внимания западных правительств к советской угрозе была их поддержка политических партий, тесно связанных с преступными организациями, но при этом демонстрировавших свой антикоммунизм. На преступные связи, особенно заметные в Италии и Японии, не обращали внимания. Коррупция была предпочтительнее коммунизма. Хотя антикоммунизм и не был синонимом поддержки организованной преступности, он смягчал оппозицию криминальным организациям во многих странах. Создавались прочные связи между организованной преступностью и политической и экономической элитами. С этой точки зрения окончание холодной войны было важно не столько потому, что оно было причиной роста международной организованной преступности, сколько потому, что оно «открыло глаза» многих правительств на это явление. В дополнение к этому окончание холодной войны подорвало основы существования ведомств, связанных с безопасностью, и разведывательных служб. Они были вынуждены начать поиски новых врагов, одним из которых и стала организованная преступность.

Наконец, *в-шестых*, растет значение этнического фактора в формировании ТПО. Представители чешской уголовной полиции, например, заявляли, что 90 процентов югославов в Чешской республике заняты в торговле наркотиками, оружием и проституции, 90 процентов албанцев — в торговле героином и оружием, 90 процентов вьетнамцев уклоняются от налогов. Китайские же рестораны отмывают деньги. Болгары заняты наркоторговлей и угонами автомобилей [9]. При этом, хотя не существует единого глобального преступного картеля, появляются признаки растущей взаимозависимости этнических преступных групп. Некоторые исследователи говорят о формировании *рах mafiosa* [10].

Структура самих ТПО значительно изменилась в 1990-е годы. Международные преступные группы становятся безличными и анонимными. Благодаря новым коммуникационным технологиям и оффшорной банковской деятельности они смогли приспособить свою структуру к новой действительности. Хотя некоторые группы и сохранили иерархическую структуру, многие от нее отказались, поскольку новые технологии позволяют отказаться от сложных силовых структур. Другие в ответ на усилия правоохранительных органов разделились на более мелкие ячейки (например, колумбийские картели Медельин и Кали). Фактором, влияющим на структуру ТПО, является то, что в эпоху глобализации преступная деятельность часто не требует территориальной базы. Примером таких преступлений являются преступления в киберпространстве.

В настоящее время транснациональные преступные организации имеют различную структуру и принципы членства. Общим для них является то, что они очень мобильны и способны действовать сквозь национальные границы. Частичным объяснением этому является то, что они скорее являются *сетями*, чем формальными организациями. Интересно, что многие законные транснациональные корпорации также взяли на вооружение сетевую структуру, позволяющую им легче приспособляться к меняющимся местным условиям.

Другой тенденцией является то, что транснациональные корпорации стали активно формировать альянсы между собой. Корпорациям такие альянсы помогают развивать производство в тех местах, где оно является более дешевым, и использовать местный опыт маркетинга. Транснациональные криминальные организации формируют альянсы по сходным причинам. Кроме того, подобные альянсы помогают бороться с усилиями правоохранительных органов, делить риск и использовать различные каналы распространения.

Хотя не существует общепринятого *определения* ТПО, «Тенденции мировой преступности» определяют их как любую группу лиц, организованную для извлечения прибылей из незаконной деятельности на постоянной основе [11]. Обычно это достаточно большая группа, которая на постоянной основе контролирует преступные группировки, которая извлекает из своих преступлений прибыль и которая стремится создать защитную систему против общества, используя такие способы, как насилие, принуждение, коррупцию и воровство [12].

Так же, как и законные предприятия, транснациональные преступные организации различаются по своему размеру, структуре, видам деятельности. Некоторые, как колумбийские группы, специализируются на одной категории товаров. Другие более диверсифицированы. Несмотря на все свое многообразие, эти организации имеют ряд общих черт, включая готовность использовать насилие и коррупцию для защиты и развития своих предприятий [13]. В то же время международные преступные организации в некоторых отношениях похожи на транснациональные корпорации. Одной из схожих черт является то, что они действуют из одного государства и активны в одном или нескольких государствах.

Формальную организационную структуру для китайской организованной преступности, например, дают триады, тонги и уличные банды. С другой стороны, большая часть китайской организованной преступности строится на основе конкретных транзакций, а не на основе организаций. Индивиды и небольшие группы собираются вместе для проведения конкретных операций, распадаются и организуются вновь в соответствии с возникающей необходимостью. Триады выступают в роли неких профессиональных ассоциаций. Членство в триаде дает некоторую степень доверия и позволяет членам триад работать вместе, даже когда они не знакомы лично. Подобная смесь формальной структуры и неформальной деятельности затрудняет работу правоохранительных органов. Затрудняется и различие между законными и незаконными предприятиями [14].

Не все транснациональные преступные организации в одинаковой степени используют насилие. Имеется существенное отличие между Медельинским картелем, который являлся доминирующим до конца 1980-х годов, и картелем Кали, который занял его место в качестве лидера наркоиндустрии. Медельинский картель потерял свое главенствующее положение в результате прямой конфронтации с правительством, нарушения договоренности о разделе рынка с картелем Кали и гибели или захвата части его лидеров (в частности, гибели П. Эскобара). Картель Кали, наоборот, предпочел сотрудничество конфронтации. Его лидеры стали частью местного и регионального политического и экономического истеблишмента, сочетая незаконную деятельность с законным бизнесом. Кроме того, картель Кали проводит свою деятельность в соответствии со здоровыми экономическими принципами и системами управления.

Скорее всего, производство и сбыт наркотических веществ станет наиболее распространенным *видом деятельности* ТПО в будущем. Нестабильность, появившаяся в результате окончания холодной войны, возобновление этнических и региональных конфликтов и рост субнациональных групп, бросающих вызов существующим государствам, означают рост спроса на вооружения. Участие в незаконной деятельности, в особенности, связанной с оборотом наркотиков, является наиболее распространенным путем получения средств для закупок вооружений. Поэтому в будущем рост торговли наркотиками будет стимулироваться не только экономическими, но и политическими причинами.

Хотя производство наркотиков обычно и основывается на примитивной технологии, оно способно к инновациям на всех уровнях, включая разработку новых продуктов и освоение новых рынков. Освоение производства крэка и его продвижение на рынке США является наглядным свидетельством этому.

Вероятно, наиболее значимая из организаций, которые доминируют в торговле героином — китайские триады. Базирующиеся в Гонконге и Тайване триады изначально были патриотическими организациями, которые затем стали использовать преступные методы. Одна из наиболее могущественных триад в Гонконге состоит из более 30 подгрупп с 20000 членов — 14К [15]. Гонконгские триады имеют тесные связи с различными торговыми организациями, существующими в любом чайнатауне США.

Героин, поступающий в Западную Европу, преимущественно поступает из Афганистана и Пакистана. Разветвленные турецкие общины Германии, Голландии и Италии предоставляют отличное прикрытие для такой деятельности.

Растет производство амфитоминов в Польше. Имеются также свидетельства того, что колумбийские картели используют Центрально-Европейский регион как транзитный маршрут.

Транснациональная деятельность столь же доступна для криминальных групп, как и для законных многонациональных корпораций. Более того, именно природа криминальных организаций делает их особенно приспособленными для того, чтобы воспользоваться новыми возможностями. Поскольку криминальные группы и в прошлом действовали, не считаясь с правилами и законами государств, они не имеют особых трудностей с нелегальным пересечением национальных границ. Во многих отношениях международные преступные организации являются транснациональными по своей природе. Они действуют вне существующих в мировой политике структур власти и имеют хорошо развитые и опробованные стратегии по обходу правоохранительных органов как на уровне отдельных государств, так и на уровне мировой системы.

Следует отметить, что ТПО проявили достаточную эффективность в борьбе против рисков, в том числе и связанных с деятельностью государственных структур. При этом используются разнообразные *стратегии для снижения этих рисков*. Например, борьба против картеля Кали принесла некоторые успехи. Однако картель показал себя как крайне жизнеспособная и гибкая организация. Многие виды его деятельности были отделены от самой организации. Такая деятельность, как отмывание денег, проводилась поддерживающими организациями. В основном картель Кали действовал скорее как среднее деловое предприятие, а не как выдающаяся криминальная организация, ищущая конфронтации с колумбийским правительством. Медельинский картель, напротив, не только проявил готовность использовать насильственные средства, но и показал опытность в их использовании. Картель даже нанял израильскую компанию для тренировки своих сил безопасности. Он также импортировал в Колумбию существенные объемы оружия [16].

Конечно, нестабильность и конфликты могут создавать проблемы для международных преступных организаций, вынуждая их, например, находить новые пути транспортировки. Однако большинство организаций прекрасно действуют в подобных условиях. Примером могут быть Афганистан и Мьянма, где происходят этнические и межплеменные конфликты, но тем не менее существуют крупные наркоорганизации.

Практически все преступные организации заинтересованы в управлении и контроле рисков, связанных с правительственными правоохранительными органами. Используются три вида стратегий: превентивные стратегии, контроль или защита, абсорбция. Наиболее мощные организации способны путем подкупа и коррупции создавать благоприятное окружение для своей деятельности. Иногда для этого используются различные формы патронажа, создающие общественную симпатию. В этом заключается использование превентивных стратегий. В случае более решительных действий правительств против организованной преступности используются оборонительные действия. К примерам можно отнести использование картелем Кали израильского электронного оборудования для прослушивания телефонных разговоров и инфильтрация в правоохранительные органы. Третья группа стратегий связана с ограничением ущерба. В случае картеля Кали эти меры включали использование подставных фирм, активы которых не могли быть конфискованы правоохранительными органами.

Российские ТПО также участвуют в «международном разделении труда» в сфере незаконных операций. Российские источники часто сообщают о тысячах организованных преступных группировках. Частично такая ситуация отражает применяемое российскими правоохранительными органами определение организованной преступности, как отличающейся от иных форм преступности вовлечени-

ем более чем одного человека и наличием преступного умысла. Однако, учитывая сравнительно аморфную и базирующуюся на сетевых формах структуру российского преступного мира, подобные цифры учитывают все компоненты преступности, а не основные ее сети и составные части. Учитывая это, можно говорить, что Россия имеет от 12 до 15 основных организованных преступных структур, что вполне сопоставимо, например, с шестью китайскими триадами или четырьмя или пятью основными преступными организациями Италии.

Российская организованная преступность является набором гибких сетей полунезависимых преступных предприятий. В последнее время она не только установила контроль за большей частью российской экономики и политической жизни, но и стала международным феноменом. Считается, что она напрямую действует в 60–65 странах. Учитывая растущую глобализацию, трудно найти часть мира, где ее влияние не ощущается. Российская организованная преступность не имеет вертикальной структуры, подобно сицилийской мафии или китайским триадам. Вместо этого она является набором группировок, команд и индивидов, которые большей частью действуют независимо, но при этом связаны между собой в сети, где доминируют воры в законе.

Организованные преступные группировки занимаются не только незаконной деятельностью. Они также вовлечены в разнообразный законный или почти законный бизнес. Эти группировки продолжают незаконно вывозить деньги, природные ресурсы и оружие из России. Этот процесс, однако, является двусторонним. Велик объем незаконного импорта (от краденых автомобилей до компьютеров). Россия также является важным центром незаконного оборота наркотиков.

В Европе первая волна экспансии российских преступных группировок началась с бывших участников Варшавского договора. Балтийские республики, Польша и Венгрия были первыми целями. Затем началось проникновение в Германию и Австрию. В большинстве стран они сосуществуют с местными преступными группировками. В Венгрии и Австрии они являются доминирующей преступной силой [17]. В Германии различные преступные группировки от солнцевской (особенно сильное влияние в Берлине и Франкфурте) до чеченской (Франкфурт и Гамбург) находят благоприятную почву в лице многоэтничного преступного мира самой страны. В Балтийских же республиках велико сопротивление местных преступных группировок и местной полиции, которые сформировали своеобразный альянс. В Италии местные преступные группировки и полиция, имеющая большой опыт борьбы с организованной преступностью, также создают препятствия для проникновения. Франция, Испания, Португалия и Греция также являются местами медленно растущей преступной деятельности и инвестиций. Кипр стал ключевым центром отмывания денег. Великобритания имеет репутацию безопасного места для членов семей и капиталов членов организованных преступных группировок.

В Соединенных Штатах существующие русскоязычные преступные группировки, хотя и не подчиняясь напрямую российским, влились с 1992 года в транснациональные сети таких организаций, как солнцевская.

Российская и постсоветская организованная преступность менее влиятельны, чем, например, итальянская мафия, якудза или триады. Однако более гибкая структура этих организаций делает их более подготовленными как к новым угрозам, так и к использованию новых возможностей. Нет оснований предполагать, что основы деятельности этих группировок в самой России будут уничтожены в обозримом будущем. Уже сейчас эти организации являются действительно транс-

национальными. Они будут расширять географическую сферу своей деятельности, если возникнут новые возможности для извлечения прибыли. Их сила будет расти. При этом в случае возможности они будут сосуществовать с местными преступными группировками. В настоящее время в России именно организованная преступность выступает в отношениях с государством доминирующим партнером [18].

Согласно определению Интерпола, ТПО представляет собой «любую группу, имеющую корпоративную структуру, чьей главной задачей является получение денег посредством незаконной деятельности». Думается, что в нашей стране это *определение ТПО должно быть несколько шире. С чем это связано?*

Во-первых, масштаб операций является беспрецедентным. По оценкам Всероссийского НИИ МВД, в августе 1995 года организованной преступностью контролировалось более 400 банков и 47 бирж [20]. Согласно некоторым оценкам, в 1997 году 40–50 процентов российской экономики контролировалось организованной преступностью [21]. Ежегодные же инвестиции российской организованной преступности в экономику, например, Великобритании достигали 2,5 млрд фунтов [22].

Во-вторых, генезис нынешней организованной преступности также не имеет аналогов в других странах. Нынешняя организованная преступность России ведет свою историю к последним дням существования Советского Союза. Уже в 1991 году проблема стала настолько серьезной, что рассматривалась на специальной коллегии КГБ. Из-за недостатка ресурсов проблема не была решена в то время. В 1992 году количество организованных преступных группировок достигло 2600, из которых правоохранные органы сумели уничтожить лишь 56. Уже на ранних этапах своего развития организованные преступные группы сумели во многом обеспечить собственный контроль на рынках собственности, цветных металлов и нефти. Около 40 процентов российских бизнесменов имеют те или иные связи с организованной преступностью. Около 500 групп сумели установить связи с государственными служащими, предоставлявшими прямую поддержку их деятельности [23]. К 1993 году их количество выросло до 3000. Большинство существовавших групп находились под контролем одного из 150–200 сообществ, организованных по этническому или местному признаку или в соответствии с их специализацией (например, компьютерные преступления или преступления, совершенные военнослужащими).

В-третьих, российская организованная преступность имеет уникальную структуру. Российская организованная преступность не является подобно, например, итальянской мафии единой криминальной сетью. Она, скорее, представляет собой достаточно аморфный и динамично развивающийся набор группировок от городских банд до развитых коммерческих предприятий, осуществляющих свою деятельность в международных масштабах. К январю 1997 года в России насчитывалось около 4 тысяч бандформирований, из которых десятая часть осуществляла операции в международных масштабах [24]. Российская организованная преступность с успехом использует преобладающую в России политическую культуру недоверия к властям. В результате организованная преступность оказывает влияние практически на все аспекты политической и экономической жизни страны. Войны бандформирований 1990–1994 годов консолидировали российскую организованную преступность. Общее число преступных группировок снизилось с 1995 года. Однако это снижение отражает не успехи правоохранительных органов, а подчинение более крупными формированиями менее конкурентоспособ-

ных. Ведение дел за гранью закона признается и российскими иностранными партнерами. Согласно проведенному в 1993 году опросу, 80 процентов американских фирм, ведущих дела в России, хотя бы раз нарушали положения американского закона об иностранной коррупционной практике 1977 года, давая взятки и ведя дела с организованной преступностью [25].

В-четвертых, методы действий российской организованной преступности за рубежом также во многом являются уникальным явлением. Российская организованная преступность действует за рубежом в трех основных формах: жесткое проникновение путем прямой инфильтрации; мягкое проникновение с использованием экономической деятельности; использование стратегических альянсов с другими криминальными сетями.

Жесткое проникновение наиболее заметно в Северной и Центральной Европе, Израиле и некоторых частях США. Мягкое проникновение в таких странах, как Кипр, Швейцария и Великобритания, менее заметно. Однако масштабы его гораздо шире. Кроме того, такую деятельность достаточно трудно отличить от законных инвестиционных практик и финансовых операций. Стратегические альянсы включают перемирие с сицилийской мафией, дающее российским группировкам свободу действий в Северной Европе, а также сотрудничество с колумбийскими наркокартелями. Однако в Европе российские и итальянские группировки конкурируют друг с другом. Сохраняется и возможность обострения конфликта на Дальнем Востоке с китайскими триадами и японской якудза.

Основное же отличие организованной преступности в России от преступности в других странах заключается в ее социально-экономической роли. В России организованная преступность является заменителем несформировавшегося гражданского общества. Вполне возможно, что в условиях «слабого государства» она является единственным социальным агентом, способным обеспечивать экономическое развитие и предоставлять гражданам услуги, которые традиционно предоставляет государство. Естественно, что такое образование в условиях вакуума власти не может ограничить сферу своей деятельности лишь территорией страны своего базирования. Организованная преступность имеет внешнеполитические интересы, имеет возможности для их защиты, имеет политическую волю для этого. Другим фактором, способствующим достаточно эффективной внешнеполитической деятельности неформальных структур, является то, что зачастую интересы (в том числе внешнеполитические) основной массы населения совпадают с интересами неформальных структур в большей степени, чем с так называемыми государственными интересами (то есть интересами узкой группы московской политической элиты).

Учитывая все это, следует ожидать усиления влияния организованной преступности на внешнюю политику России. Причем если сейчас это влияние осуществляется преимущественно через коррумпированных государственных деятелей, то в будущем, с дальнейшим ослаблением государства и легитимизацией неформальных структур можно ожидать усиления прямого влияния организованной преступности на то, какое место Россия будет занимать в мировой системе. Наряду с государственной российской внешней политикой, с которой в мире будут считаться во все меньшей степени, можно ожидать появления «параллельной внешней политики», формулируемой и эффективно проводимой в жизнь так называемыми организованными преступными организациями без какого-либо участия Российского государства. Причем эта «параллельная внешняя политика», как это ни парадоксально, может быть гораздо более предпочтительной как для населения самой страны, так и для других стран.

Оценки роли ТПО в мировой экономике и политике, а также того, представляют ли они угрозу безопасности, крайне неоднозначны. В отличие от революционеров или террористических организаций транснациональные преступные организации имеют, в первую очередь, экономические цели. Даже незаконные предприятия зачастую увеличивают национальный доход, создают новые рабочие места и предоставляют социальные гарантии. Они используют навыки в области управления, которые в противном случае просто пропали бы. Доходы от деятельности этих организаций очень велики, и, по крайней мере, часть этих доходов реинвестируется в национальные экономики. Тем не менее считается, что эти организации являются угрозой безопасности. На уровне личности безопасность обычно означает достаточно безопасное окружение, в котором личность не является объектом насилия и устрашения. Преступные организации оказывают влияние на безопасность, определяемую подобным образом. Поскольку распространение наркотиков увеличивает уровень преступлений против личности, безопасность личности ставится под угрозу. На государственном уровне транснациональные преступные организации также являются угрозой безопасности. В некоторых случаях их сила превосходит силу государств. Их готовность использовать силу против государства и правоохранительных органов ставит под сомнение государственную монополию на организованное насилие и поэтому может быть более дестабилизирующей, чем деятельность революционных или террористических групп. Примерами могут служить Колумбия и Италия, где транснациональные преступные организации вошли в конфликт с существующими государствами. В силу самой своей природы транснациональные преступные организации подрывают гражданское общество (или заменяют его), дестабилизируют политическую обстановку в различных странах и подрывают власть закона.

Традиционные транснациональные преступные организации зачастую сами создают хаос. Чаще же они используют неопределенность, создаваемую другими внутренними или международными событиями. Поэтому такие организации наиболее сильно развиты в странах со слабыми государственными структурами, проблемами с легитимностью существующего строя. В этих условиях развитие параллельных властных и экономических структур почти неизбежно. Существует связь между развитием транснациональных преступных организаций, с одной стороны, и кризисом управления и упадком гражданского общества, имеющими место во многих странах с окончанием холодной войны — с другой стороны. Политический хаос является естественной средой для криминальной деятельности. Одна из ключевых характеристик транснациональных преступных организаций заключается в том, что они соединяют «зоны мира» и «зоны нестабильности», существующие сейчас в мировой системе. Угрозы целостности государств создают угрозы самой международной системе, состоящей из государств. Хотя традиционно политика в области безопасности и исследования в этой области имели дело с отношениями между государствами, в будущем придется рассматривать и отношения между государствами и могущественными негосударственными акторами. Доминирование государств было поставлено под сомнение возникновением таких акторов, действующих как на региональном, так и на глобальном уровнях. Отсутствие традиционных атрибутов суверенитета является скорее не недостатком, а преимуществом этих акторов, которые могут использовать свою относительную свободу для деятельности, которую государства практически не могут контролировать. Хотя государства формально и обладают атрибутами суверенитета, они уже не могут, например, контролировать импорт оружия, людей и нар-

котиков на свою территорию. Суверенитет в этих условиях остается важной основой для межгосударственных отношений, но уже не отражает, как ранее, реальный контроль над территорией. При этом далеко не все государства выступают против усиления транснациональных преступных организаций. Альянсы между этими организациями и так называемыми государствами-париями могут представлять серьезную угрозу, особенно при распространении ядерных вооружений. Государства обычно достаточно хорошо подготовлены для противодействия угрозам, исходящим от других государств. Однако, когда угроза исходит от «несуверенного» действующего лица, очень трудно подобрать эффективные инструменты и стратегии противодействия.

Незаконные предприятия не только ставят под угрозу государственный суверенитет и государственную безопасность, но и указывают на прозрачность межгосударственных границ и уязвимость государственных институтов. Угроза является не прямой, а опосредованной. Организованные преступные группировки не угрожают государству, как, например, вооруженные силы противника. Скорее, они ставят под вопрос прерогативы государства и его контроль над собственной деятельностью.

Существует соблазн охарактеризовать угрозу со стороны транснациональной организованной преступности как прямую угрозу политической стабильности, общественному благополучию, а также существующим финансовым институтам. Хотя это и привлекает общественное внимание к проблемам преступности, это является преувеличением. К тому же это дает основания критикам заявлять, что после холодной войны аппарат национальной безопасности нуждается в новой угрозе и врагах и дает преступным организациям статус, которого они не заслуживают. На самом деле, как заявляют многие исследователи [26], лидеры преступных организаций выполняют не столько функции главы предприятия, сколько функции управления и арбитража в спорах. Кроме того, рассматривая организованную преступность безоговорочно в качестве негативного явления, можно не заметить те блага, которые организованная преступность предоставляет населению (причем не только вовлеченному в организованную преступность). Деньги, заработанные преступным путем, инвестируются в экономику, иногда вызывая подъем в целых регионах. Торговля незаконными товарами для некоторых стран может быть главным источником валютных поступлений. Иногда организованная преступность дает единственную возможность получить работу. В обществах, где более традиционные пути продвижения по общественной лестнице недоступны большим группам населения, участие в структурах организованной преступности может быть достаточно привлекательным. Говоря об угрозе со стороны международной организованной преступности глобальной финансовой системе, можно отметить, что преступные группировки вовсе не нацелены на разрушение этой системы. Напротив, они заинтересованы в ее использовании и продолжении ее существования.

Литература

1. Alagappa, M., Inoguchi, T. (Eds.). *International Security Management and the UN*. United Nations University Press, 1999. — P. 175.
2. Gambetta, D. *The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection* / Diego Gambetta. — Cambridge: Harvard University Press, 1993.

3. Francisco, E. Thoumi, *Political Economy and Illegal Drugs in Columbia* / Francisco, E. Thoumi. — Boulder, CO.: Lynne Reiner, 1995. — P. 172–173.
4. *Strategic Assessment 1999*, Washington, DC: Institute for National Strategic Studies, 1999. — P. 246.
5. Castells, M. *End of Millennium* / Manuel Castells. — Blackwell Publishers, 1998. — P. 73.
6. *Ibid.* — P. 74.
7. *Ibid.* — P. 75.
8. *Ibid.* — P. 141.
9. *Ibid.* — P. 145–147.
10. Alagappa, M., Inoguchi, T. (Eds.) *Op.cit.* — P. 198.
11. Claire Sterling, *Thives' World*. New York: Simon and Shuster, 1994.
12. *World Crime Trends and Justice: Facts, Figures and Estimates // The United Nations and Crime Prevention and Criminal Justice*. Paris: Crime Prevention and Criminal Justice Branch, Center for Social Development and Humanitarian Affairs, November 1991. — P. 21–23.
13. *Strategic Assessment 1999*, Washington, DC: Institute for National Strategic Studies, 1999. — P. 249.
14. Alagappa, M., Inoguchi, T. (Eds.) *Op.cit.* — P. 180.
15. *Ibid.* — P. 192.
16. *In Athena's Camp*. — P. 324.
17. *In Athena's Camp*. — P. 323.
18. *Russia's criminals go global // Janes Intelligence Review*. — 2000. — March. — P. 11.
19. Alagappa, M., Inoguchi, T. (Eds.) *Op.cit.* — P. 188.
20. Alagappa, M., Inoguchi, T. (Eds.) *Op.cit.* — P. 189.
21. *Russia's Mafias: the New Revolution // Janes Intelligence Review*. — 1997. — June 1. — P. 247.
22. *Jane's Intelligence Review*. — 1997. — November 1. — P. 526.
23. *Russia's Mafias: the New Revolution // Janes Intelligence Review*. — 1997. — June 1. — P. 247.
24. *Strategic Comments*. — 1997. — Vol. 3. — No. 3. April.
25. *Ibidem*.
26. Alagappa, M., Inoguchi, T. (Eds.) *Op.cit.* — P. 199.